

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
wigwam@karelia.ru

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАУРАЛЬЯ

В статье впервые рассматриваются фигурные выступы на сосудах, найденных на территории Восточной Европы. В результате пространственного и хронологического анализа сосудов со скульптурными изображениями было установлено, что их появление на территории лесной полосы Восточной Европы связано в одном случае (эпоха неолита) с результатом конвергентного развития, в другом (эпоха бронзы) – с влиянием зауральских культур.

Ключевые слова: Восточная Европа, скульптурки на керамических сосудах, неолит, энеолит, эпоха бронзы

Скульптурные изображения на керамической посуде являются сравнительно немногочисленной категорией находок на древних поселениях Восточной Европы и Зауралья, однако вряд ли можно сомневаться в их значимости не только для реконструкции мировоззрения первобытных людей, но и для изучения процессов межкультурного взаимодействия.

Зауральские сосуды со скульптурными изображениями, в отличие от аналогичных изделий с территории лесной полосы Европы, неоднократно становились объектом специального изучения [1], [9], [12]. Мнения исследователей о генезисе и семантике зооморфных скульптурных изображений на зауральской керамике расходятся. В. И. Мошинской высказано предположение о том, что, несмотря на высокую вероятность конвергентного возникновения зооморфного декора на керамике Восточной Европы и Зауралья, могли иметь место отдельные зауральские воздействия на западные культуры. Это отчасти подтверждается древностью и длительностью традиции существования керамики с зооморфными украшениями на Урале и в Западной Сибири [12; 32]. М. Е. Фосс, рассматривая уникальный (для времени обнаружения – середины 50-х годов XX века) сосуд со скульптурным украшением со стоянки Галдарея III (южный берег Белого моря), отмечает важность этой находки в связи с вопросом о взаимоотношениях беломорских и уральских племен [20; 128].

В. И. Мошинская, выявив широкое распространение зооморфного декора на древней посуде Евразии и Северной Америки, на основе этнографических аналогий предположила, что скульптурные изображения предназначены для охраны содержимого сосудов [12; 29]. В. Т. Ковалева и В. А. Арефьев полагают, что фигурные налпы на сосудах изображают первопредка или покровителя экзогамной группы [9; 115–119].

Основная задача данной работы состоит во всестороннем изучении объемных изображе-

ний на сосудах в хронологическом и пространственном отношении в контексте связей древнего населения Севера Восточной Европы и Зауралья.

Объемные изображения, найденные на поселениях лесной полосы Восточной Европы, в зависимости от степени редуцированности, характера расположения на сосуде, могут быть разделены на четыре группы: 1) скульптурные изображения на венчике (16 сосудов); 2) нерегулярно расположенные выступы на венчике – редуцированные зооантропоморфные изображения (?) (62 сосуда); 3) барельефные фигуры на стенках; 4) регулярно и часто расположенные выступы на венчике, которые, по-видимому, следует отнести к особому виду декорирования венчика сосуда, а не к скульптуре.

К первым двум группам отнесены объемные изображения на 78 сосудах, из которых около половины были найдены в южной части бассейна Белого моря (рис. 1). Изображения барельефного типа изредка встречаются на керамике поселений Восточной Прибалтики и бассейна реки Оки [18] (рис. 1). Четвертая группа представлена серий чашевидных сосудиков на поселении Угдым III на Средней Вычегде [10], на Гляденовском костыше [5; 152], на некоторых других ананьинских и гляденовских памятниках. Сосуды этой группы относятся к эпохе раннего железа. Напротив, на территории Зауралья регулярно расположенные выступы встречаются в основном на неолитической, изредка энеолитической посуде [1; 229–235], [11; 201–230]. На территории Севера Восточной Европы наиболее ранние сосуды с фигурками на венчике относятся к позднему неолиту – вторая половина IV тысячелетия до н. э. (здесь и далее даты даны в некалиброванных радиоуглеродных датах), наиболее поздние – к раннему железному веку. Зауральская керамика со скульптурными изображениями датируется от начала эпохи неолита до раннего железного века [12].

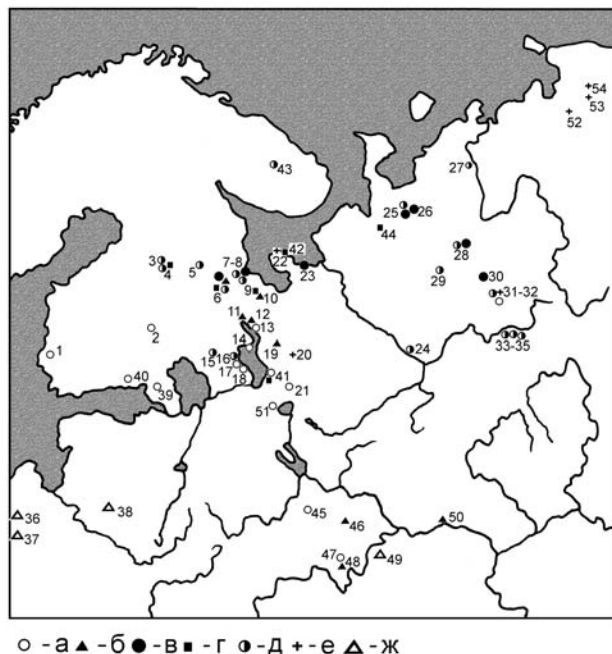

Рис. 1. Карта стоянок Северной Европы, на которых были найдены сосуды со скульптурными нерегулярными изображениями на венчике и барельефными фигурами на стенках: а – неолитические сосуды, б – энеолитические сосуды, в – сосуды эпохи бронзы (лебяжский тип), г – сосуды эпохи бронзы (сетчатая керамика), д – сосуды раннего железного века, е – сосуды эпохи бронзы – раннего железного века, ж – сосуды с изображениями барельефного типа.

1 – Кольмхаара, 2 – Сятос, 3 – Калмосярккя, 4 – Келлолаистен Тулли, 5 – Кенто IV, 6 – Бохта II, 7–8 – Горелый Мост VI, VIII, 9 – Сумозеро XV, 10 – Сумозеро XVI, 11 – Войнаволоок XXV, 12 – Войнаволоок XXVII, 13 – Черная Губа IX, 14 – Пегрема VII, 15 – Кудомо XI, 16 – Шуйский Остров I, 17 – Пески IVa, 18 – Вигайнаволоок I, 19 – Охтома II, 20 – Кубенино, 21 – Модлона, 22 – Галдарея III, 23 – Красная Гора, 24 – Пермогорье II, 25 – Ружникова, 26 – Кыско, 27 – Новый Бор, 28 – Пижма II, 29 – Смолокурное IV, 30 – Борганьель I, 31–32 – Вис I – Вис II, 33–35 – Шойнаты II, Угдым III, Джуджыдьг, 36 – Швянтои 3, 37 – Нида, 38 – Звидзе, 39 – Озерная III, 40 – Котка Нискасуо, 41 – Тудозеро V, 42 – Усть-Яренга, 43 – Ловозеро III, 44 – Пеза, 45 – Торговище I, 46 – Сахтыш I, 47 – Владычинская Береговая, 48 – Ибердус, 49 – Волосово, 50 – Галанкина Гора, 51 – Яглобойская, 52 – Большеземельская тундра. Стоянка 122, 53 – Большеземельская тундра. Стоянка 240, 54 – Большеземельская тундра. Стоянка 268

Скульптуры на венчике и редуцированные изображения с обозначенными глазами могут быть ориентированы как внутрь, так и наружу сосуда. Подавляющее большинство неолитических и энеолитических фигур со стоянок Севера Восточной Европы ориентированы внутрь сосуда (рис 2: 1–5, 9). Фигурный налп на неолитической зауральской керамике, в отличие от восточноевропейской посуды, часто особым образом совмещен с орнаментом на внешней стенке сосуда, составляя с ним единый зооморфный образ [12; 40].

Большая часть зауральских зооморфных изображений выполнена схематично, что редко позволяет определить вид изображенного животного. На единичных сосудах удалось распознать медведя [13; 35], [16; 83], собаку (?) [22; 94], сову и летящую птицу [21; 40]. Редуцированные выступы на краю неолитических зауральских сосудов существуют параллельно с рельефными головками. Среди позднеэнеолитических фигур на венчиках сосудов со стоянок Восточной Европы, в отличие от Зауралья, почти не представлены редуцированные выступы и регулярно расположенные выступы, являющиеся рельефным украшением края сосуда. Единственное исключение – фрагменты чужьяельских сосудов с фигурными налпами со стоянки Вис I [2; 196–197]. Предполагается, что развитие керамики этого типа происходило при активном влиянии зауральского населения [17; 55]. На территории Северо-Запада Европы редуцированные выступы (без отверстий и т. п.) появляются, видимо, только на энеолитических поселениях, датируемых второй половиной III тысячелетия до н. э. (рис. 2: 5).

Существенные различия в тенденциях развития фигурных изображений на сосудах на Севере Восточной Европы и к востоку от Урала, а также отсутствие неолитических сосудов со скульптурными выступами на территории между Волго-Окским междуречьем и Зауральем указывают на конвергентный характер сложения рассматриваемой традиции.

В эпоху энеолита (вторая половина III – начало II тысячелетия до н. э.) в лесной полосе Европы сосуды с редуцированными выступами изготавливались группами населения, проживавшими в юго-западной части Прибеломорья, бассейне Онежского озера (культура с асбестовой и пористой керамикой) и Волго-Окском междуречье (волосовская культура) (рис. 1). Территория, где обнаружены энеолитические сосуды с выступами, во многом совпадает с границей распространения неолитических скульптурных изображений на ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамике. Эти данные подтверждают гипотезу об автохтонном происхождении населения культуры с пористой и асбестовой керамикой Карелии и волосовской культуры Волго-Окского междуречья.

В Среднем Поволжье на энеолитическом поселении Галанкина Гора найдена ладьевидная чаша с зооморфным налпом, относящаяся к «валиковой» керамике, которую некоторые исследователи связывают с зауральским влиянием [14; 124]. Этот факт следует рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу восточного происхождения на территории Волго-Камья населения с «валиковой» керамикой.

Традиция изготовления сосудов с фигурными изображениями на территории Севера Евро-

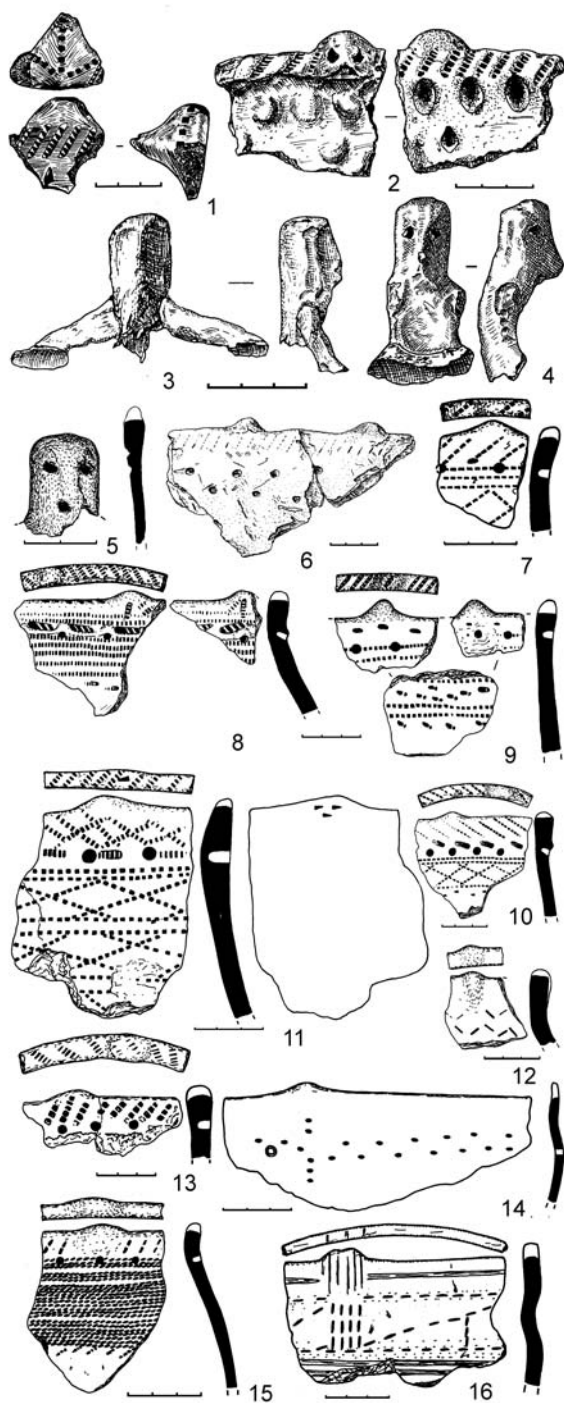

Рис. 2. Скульптуры и выступы на венчиках сосудов позднего неолита – раннего железного века:
1 – Пегрема VII, 2 – Пески IVa, 3, 4 – Войнаволок XXV, 5 – Тудозеро V, 6 – Войнаволок XXVII, 7, 8, 9, 10, 16 – Бохта II, 11 – Пижма II, 12 – Ружникова, 13 – Пеза (Устье р. Няфта), 14 – Келлолаистен Тулли, 15 – Вис II

пы, видимо, прерывается во второй четверти II тысячелетия до н. э. Новое появление сосудов с выступами на данной территории связано с распространением в южной части бассейна Белого моря с территории Северного Приуралья насе-

ления с керамикой типа Бохта II и сходной с ней керамикой лебяжского типа [8; 33–35]. Лебяжская керамика, относящаяся к финалу эпохи бронзы, испытала существенное влияние традиций посуды зауральского происхождения с крестовидными отпечатками, среди которой имеются отдельные экземпляры сосудов с выступами на венчике. Картографирование пунктов находок сосудов с выступами, относящихся к концу эпохи бронзы, демонстрирует направление распространения инновации – от Северного Приуралья и, видимо, Северного Зауралья к Юго-Западному Прибеломорью (рис. 1). Сосуды с выступами зафиксированы преимущественно на керамической посуде лебяжского облика (рис. 2: 7, 8, 10, 11, 13; 4: 6), но встречаются и на сетчатой керамике (рис. 3: 4; 4: 3). Показательно, что повышенная концентрация сосудов с выступами наблюдается на пограничной территории распространения керамики типа Бохта II, посуды с сетчатыми отпечатками – в юго-западной части Прибеломорья (рис. 1). Об интенсивном межкультурном взаимодействии на этой территории групп населения южного и восточного происхождения свидетельствует наличие на стоянках гибридных сосудов (в том числе с выступами на венчике), сочетающих признаки сетчатой посуды и керамики типа Бохта II (рис. 4: 2).

В эпоху раннего железа территория распространения сосудов с выступами, по сравнению с предшествующим периодом, остается практически неизменной – Северное Приуралье, южная часть бассейна Белого моря, Карелия и Восточная Финляндия (рис. 1). Сосуды с выступами зафиксированы на керамике типа лууконсаари (рис. 2: 14, 16, 3: 7), ананьинской (рис. 2: 15; 3: 1, 5) и гляденовской (рис. 2: 12). Появление сосудов с выступами на керамике типа лууконсаари, возможно, связано с влиянием населения с ананьинской керамикой, мигрировавшего с востока на южное побережье Белого моря в VI–V веках до н. э. Впрочем, не исключено, что население с керамикой типа лууконсаари, генетически связанной с сетчатой посудой, продолжает воспроизводить традицию, распространившуюся в Юго-Западном Прибеломорье еще в конце эпохи бронзы. Проведенный анализ позволил установить, что появление на территории Северо-Запада Европы сосудов с фигурными налестками на венчике связано в одном случае (эпоха неолита) с результатом конвергентного развития, в другом (эпоха бронзы – ранний железный век) – с влиянием населения культур Северного Приуралья и Зауралья. Конвергентное возникновение данной традиции вряд ли можно отнести к ряду случайных явлений, так как в культуре ряда древних и современных народов Евразии и Северной Америки имеются примеры использования сосудов с объемными скульптурными изображениями. В частности, барельефные фи-

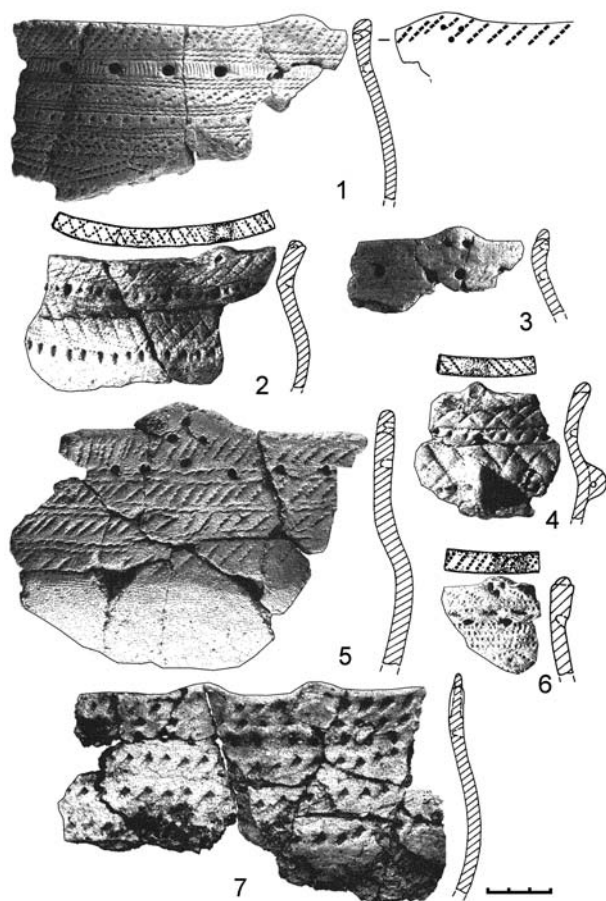

Рис. 3. Выступы на венчиках сосудов эпохи бронзы и раннего железа:
1, 5 – Пермогорье II, 2, 4, 6 – Бохта II, 3 – Ружникова,
7 – Шуйский Остров I

гуры на некоторых сосудах со стоянок Восточной Балтии представляют собой, видимо, самостоятельную линию развития объемных изображений, связанных с керамической посудой.

Изучение явлений конвергентного развития и инокультурного влияния на керамической посуде с зооморфным и антропоморфным декором напрямую связано с рассмотрением вопросов об их семантике и функции в ритуале. Определение, хотя бы в самых общих чертах, предназначения глиняных сосудов с изображениями возможно только при наличии данных об их археологическом контексте, включающем в себя информацию о результатах пространственно-хронологического изучения данной традиции, о месте их обнаружения на памятнике, об особенностях размещения фигур на сосуде и т. д.

1. Статистические данные о сосудах с объемными изображениями свидетельствуют, что они относятся к весьма редким явлениям культуры древнего населения Восточной Европы. Как правило, в коллекции керамики того или иного типа с территории определенного региона на один

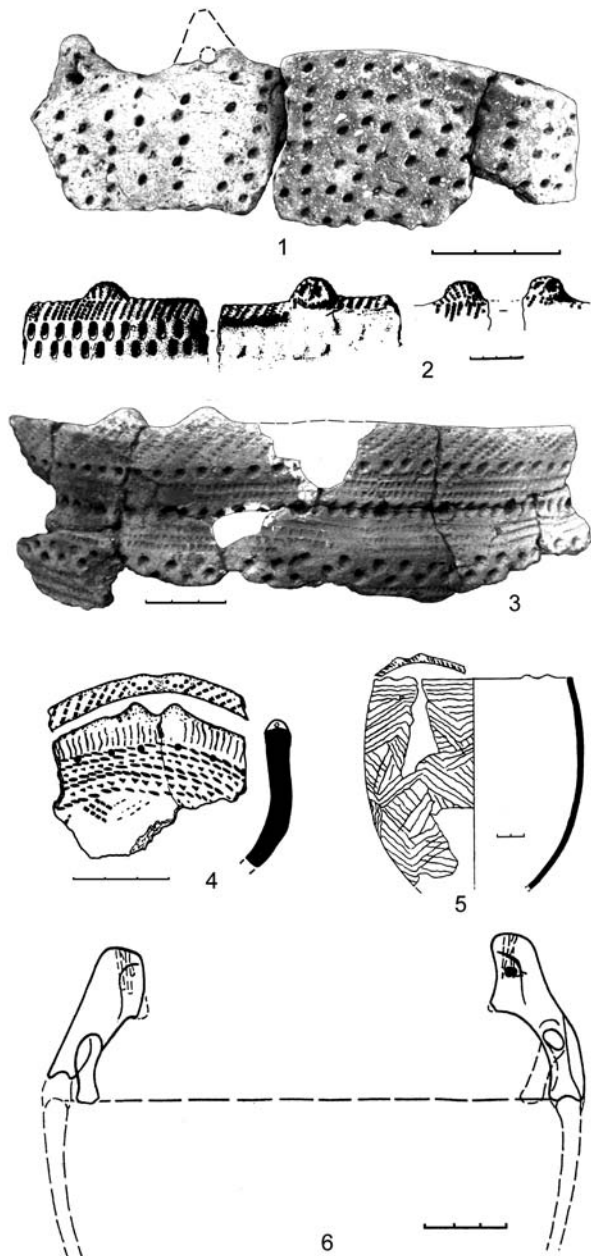

Рис. 4. Сдвоенные скульптурные выступы на венчиках сосудов со стоянок Восточной Европы и Зауралья:
1 – Сахтыш I, 2 – Черная Губа IX [4; 87], 3 – Тудозеро V,
4 – Пижма II, 5 – Пыхты I [6; 60], 6 – Войнаволок XXV

подобный сосуд приходится несколько сотен или даже тысяч обычных сосудов.

Малочисленность подобных сосудов в первобытной культуре свидетельствует о том, что они изготовлялись и использовались древними людьми лишь изредка, скорее всего, во время так называемых окказиональных ритуалов.

2. Имеется сравнительно немного данных об особенностях расположения сосудов с зооморфным декором на территории поселений и в жилищах. Так, на неолитическом поселении Войнаволок XXV фрагменты сосудов со скульптур-

ками обнаружены в слое пола жилища – в одном из его углов и неподалеку от очага. На фигурках имелись следы окраски охрой [7; 71]. На поселении Сумозеро XV фрагменты сосуда с выступами на венчике располагались в верхней части выброса из энеолитического жилища. На поселении Черная Губа IX в двух позднеэнеолитических жилищах у очагов найдены сосуды с зооморфным декором. Один из сосудов имеет следы починки в виде просверленных отверстий и следов заклепки смолистым веществом [4; 84–85]. На стоянке Пески IVa, исследованной нами, два сосуда с зооморфными изображениями найдены вместе со скульптурками из глины (две змеи, три обломка фигурок птиц и одна антропоморфная фигурка) на площади около 25 м² – на месте разрушенного более поздним котлованом позднеэнеолитического жилища. На поселении Галанкина Гора ладьевидная чаша с зооморфным налепом, относящаяся к группе «валиковой» керамики, была обнаружена в полуземлянке в очажной яме [14; 119].

В ходе исследований в Зауралье неолитических памятников быстринской культуры установлено, что сосуды с рельефными выступами встречены только на базовых стоянках, что, по мнению Е. Н. Дубовцевой, указывает на их особую функцию и применение в особых случаях [6; 59]. На территории поселения и святилища Палатки I сосуд с выступами на венчике был найден вкопанным в глину у очага в полуземляночном жилище. Эта постройка, выделявшаяся среди других аналогичных строений аятской культуры обилием охры в слое пола и наличием изделий культового характера, интерпретируется В. Д. Викторовой и соавт. как сакральный центр [3; 10, 13]. Многочисленность сосудов с зооморфными налепами на Кошкарском холме дала основание В. Ф. Старкову рассматривать это сооружение в качестве культового [15].

Имеющиеся примеры свидетельствуют о нахождении древних сосудов с изображениями преимущественно в жилищах и на базовых стоянках, а в Западной Сибири также на территории культовых сооружений. В жилищах подобные сосуды располагаются обычно у очага, иногда вкопаны в грунт устьем вверх. Эти данные подтверждают связь большей части сосудов с изображениями, найденных на территории Северной Европы, с «домашними» ритуалами.

3. Ключевое значение для раскрытия семантики скульптурных изображений имеет их расположение парами на венчике сосуда. Это явление характерно как для зауральской, так и восточно-европейской глиняной посуды (рис. 4). Иногда на одном сосуде встречаются две пары фигурных изображений (рис. 4: 2) (Черная Губа IX [4; 84–85], Амня I [16]). На поселении Исетское Правобережное в Зауралье найден сосуд, на котором имелось шесть или восемь пар выступов-головок

[9; 115]. Сосудов, где достоверно устанавливается расположение выступов парами, выявлено сравнительно немного, но следует подчеркнуть, что они датируются от эпохи неолита до раннего железа и встречаются на обширной территории от Фенноскандии до Зауралья.

В отдельных случаях удается уловить различия между парными скульптурами. У одной из антропоморфных фигурок на венчике сосуда с поселения Войнаволоок XXV глубокими наколами обозначены глаза, а у другой их нет (рис. 2: 3, 4; 4: 6). Противопоставление «слепой – зрячий» является частным случаем проявления в культуре более общей бинарной оппозиции «мертвый – живой» [19; 83–86].

Парные образы в искусстве, а также представления о сосуде как о модели мироздания, как известно, относятся к разряду универсалий культуры. Парные антропоморфные и зооморфные фигуры на керамике с учетом их расположения в верхней части сосуда, помимо воплощения идеи парности-двоичности бинарных оппозиций, могут обозначать пару мифических предков или богов-демиургов. Не одинаковый состав парных изображений на сосудах (птица, млекопитающее или антропоморфный персонаж) со стоянок Севера Европы и Зауралья, видимо, отражает как локальные отличия в мифологических представлениях о первопредках, так и отличия в семантике используемых образов.

Таким образом, периодическое конвергентное возникновение традиции украшения керамической посуды объемными зооантропоморфными фигурами в ряде древних культур Севера Европы и Зауралья было обусловлено существованием на данной территории единых или сходных мифологических представлений, связанных с первопредками или богами-демиургами, а также окказиональных «домашних» ритуалов, в которых использовались глиняные сосуды. Поскольку глиняные сосуды со скульптурными изображениями изготавливались лишь изредка, в особых случаях, это вполне закономерно приводило к регулярному угасанию данной традиции.

В лесной полосе Евразии, видимо, существовали два основных «центра», где в эпоху неолита – начало эпохи энеолита зародилась традиция изготовления сосудов с объемными зооморфными и антропоморфными изображениями – восточная часть бассейна Балтийского моря и Среднее Зауралье. Не исключается и независимый вариант создания фигурных изображений на сосудах в некоторых неолитических культурах, в том числе на территории Восточной Балтии. Слабые следы влияния зауральских культур в контексте рассматриваемого явления ощущаются лишь в конце эпохи неолита на территории Северного Приуралья, включая бассейн реки Вычегда.

Для эпохи энеолита Северной Европы характерно в основном конвергентное изготовление

единичных сосудов с объемными изображениями. Исключение – появление в Среднем Поволжье сосуда с зооморфным декором на «валиковой» керамике, что связано с инфильтрацией в некоторые регионы Восточной Европы групп зауральского населения.

В эпоху бронзы в лесной полосе Европы наблюдается усиление миграционных процессов, что приводит к периодическому возобновлению в отдельных локальных районах (Северное Приуралье, Прибеломорье) производства сосудов

с объемными изображениями. Не исключено, что эта инновация связана с появлением на Европейском Северо-Востоке групп населения из Среднего и Северного Зауралья.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарю за предоставление информации о неопубликованных находках скульптурных изображений на керамической посуде М. В. Иваннищеву и Е. Л. Костылеву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арефьев В. А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // Советская археология. 1984. № 1. С. 229–235.
2. Буров Г. М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 220 с.
3. Викторова В. Д., Колмакова В. В., Федорова А. Ю. И разные народы побывали здесь... // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 9–20.
4. Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.
5. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
6. Дубовцева Е. Н. Керамика быстринской археологической культуры (эпоха неолита) // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург: Свердловский областной краеведческий музей, 2006. С. 58–61.
7. Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1999. 224 с.
8. Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, Карельский государственный краеведческий музей, 2005. 310 с.
9. Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 107–119.
10. Королев К. С. Угдымский археологический комплекс на Средней Вычегде. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2002. 112 с.
11. Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Береговые кулайские городища на Барсовой Горе // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский университет, 2005. С. 201–230.
12. Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.
13. Сериков Ю. Б. Глиняная пластика Урала в эпохи неолита – бронзы // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2007. С. 18–37.
14. Соловьев Б. С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 2000. 264 с.
15. Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского университета. Серия историческая. 1969. № 5. С. 3–9.
16. Стефанов В. И., Морозов В. М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казым // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1992. С. 77–91.
17. Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
18. Студзикая С. В. Фигурные налесты на сосудах со стоянок волосовской культуры // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды Государственного исторического музея. Вып. 51. М., 1980. С. 25–31.
19. Толстой Н. И. Глаза и зрение покойников в славянских народных представлениях // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд»: Тезисы докладов. М., 1985. С. 83–86.
20. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 29.
21. Шорин А. Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налестами Кошкарковского холма // III Берсовские чтения. Екатеринбург: Свердловский областной краеведческий музей, 1999. С. 31–39.
22. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала // Труды Государственного исторического музея. Вып. X. М., 1940. 140 с.